

УДК 327.82

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ВОЙНА ЗА ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ В 1944–1946 ГОДАХ

Мошкин Сергей Вячеславович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
главный научный сотрудник,
доктор политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Аннотация

Рассматриваются дипломатические попытки СССР установить контроль над Черноморскими проливами на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые годы после ее завершения. Показывается, что намерения СССР не были поддержаны союзниками по антигитлеровской коалиции. Делается вывод, что СССР своими претензиями на Проливы превратил некогда нейтральную Турцию в стратегического партнера США.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, советско-турецкие отношения, Черноморские проливы, конвенция Монте.

Турция вступила во Вторую мировую войну в качестве дружественной державы для обеих противоборствующих сторон. В мае и июне 1939 года она подписала с Англией и Францией соглашения о взаимопомощи в случае агрессии в районе Средиземноморья, а 18 июня 1941 года – договор о дружбе и ненападении с гитлеровской Германией. 25 июня 1941 года, на третий день после нападения Германии на СССР, Турция объявила о своем нейтралитете.

Поначалу Москву вполне устраивал нейтралитет Турции, однако в 1943 году позиция стала меняться. Теперь политика нейтралитета Турции воспринималась сталинским руководством как фактор, выгодный одной лишь гитлеровской Германии. В октябре 1943 года

И. Сталин прямо заявил: «В настоящее же время турецкий нейтралитет, который был в свое время полезен союзникам, полезен Гитлеру, ибо он прикрывает его фланг на Балканах», и добавил, что если Турция претендует на участие в послевоенной конференции стран-победительниц, «нужно, чтобы она внесла свой вклад в дело победы и заслужила участие на мирной конференции» [6, т. 1, с. 123].

Как показали последующие события, лишь 2 августа 1944 года Турция разорвала дипломатические отношения с Германией, а 23 февраля 1945 года символически объявила ей войну. Но тогда, в 1943-м, у Москвы появились свои резоны усиления дипломатического давления на Турцию. Суть их весьма точно выразил посол СССР в Анкаре С. Виноградов,

который считал, что даже отказ Турции вступить в войну на стороне антигитлеровской коалиции «не был бы «бесполезен» для нас, так как увеличил бы счет наших претензий к Турции, который мы в свое время сможем ей предъявить» [2, с. 124].

Претензии к турецкой стороне, о которых говорил советский посол в 1943 году, сводились, по сути, к двум темам. Во-первых, речь шла о возвращении бывших территорий Российской империи, переданных Советской Россией правительству камалистской Турции. Тогда, стремясь выйти из международной изоляции, большевики добровольно уступили туркам в Закавказье районы Карса, Ардагана и Артвина и признали новую северо-восточную границу Турции. Теперь же, на исходе Второй мировой войны, советское руководство посчитало, что настал удобный момент для их возвращения назад [4].

Другим направлением дипломатического наступления на Анкару стала попытка советского руководства подвергнуть ревизии международную конвенцию Монтре, принятую в 1936 году и закрепившую суверенитет Турции над Черноморскими проливами. Осенью 1944 года в недрах советского МИДа была подготовлена справка «К вопросу о Проливах», адресованная руководству страны. Содержание документа было нацелено на лишение Турции исключительных прав контроля над режимом пропуска судов через Черноморские проливы, при этом отмечалось, что Турция будет сопротивляться этому и потребуются согласие многих стран, особенно Великобритании, для пересмотра конвенции [2, с. 155]. Однако попытка И. Сталина обсудить советские предложения в отношении Проливов с У. Черчиллем в октябре 1944 года во время визита последнего в Москву закончилась безрезультатно. Британский премьер занял в этом вопросе весьма сдержанную позицию.

Второй раз тему Проливов на высшем уровне Сталин попытался обсудить с лидерами антигитлеровской коалиции на Ялтинской

конференции в феврале 1945 года. О конвенции Монтре, в частности, он заявил: «В настоящее время этот договор устарел и изжил себя... Турции дано право закрывать Проливы тогда, когда она этого пожелает. Необходимо изменить существующий до сего времени порядок без ущерба для суверенитета Турции» [6, т. 4, с. 196–201]. Здесь Сталин намерено смягчил позицию, подтвердив суверенитет Турции, и был услышан. По итогам обсуждения было достигнуто соглашение, что три министра иностранных дел стран-союзников на своем ближайшем совещании в Лондоне обсудят предложения советского правительства в отношении конвенции Монтре и сделают доклад своим правительствам.

В мае 1945 года в Москве состоялась встреча наркоминдела СССР В. Молотова с послом Турции в СССР С. Сарпером. Разговор, инициированный турецкой стороной, шел о возможностях заключения нового договора о дружбе и нейтралитете между двумя странами. Прежний договор от 1925 года был досрочно денонсирован советской стороной в марте 1945 года, что было воспринято в Анкаре как скрытая угроза. Во время беседы Молотов неожиданно выдвинул два условия, от выполнения которых будет зависеть сама возможность появления нового советско-турецкого договора: 1) возвращение под советскую юрисдикцию территорий, переданных Турции в 1921 году; 2) совместный контроль над Проливами и размещение в зоне Черноморских проливов советских военных баз [2, с. 186–187]. Сарпер отказался обсуждать претензии СССР, однако известил о содержании разговора свое руководство, а то, в свою очередь, внешнеполитические ведомства Великобритании и США.

Претензии СССР на Проливы весьма удивили США и Великобританию, поскольку шли вразрез ялтинским договоренностям, где было условлено, что этот вопрос должен обсуждаться совместно с ними, а не в одностороннем порядке, как это сделал СССР. Более того, союзники не поддержали одно-

сторонних требований Советского Союза к Турции и настояли, чтобы в итоговых документах Потсдамской конференции (июль-август 1945 года) было записано: «Три Правительства признали, что Конвенция о Проливах, заключенная в Монтре, должна быть пересмотрена, как не отвечающая условиям настоящего времени. Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех Правительств и Турецким Правительством» [6, т. 6, с. 444]. На деле это означало, что союзники выступили против попыток Сталина добиться расширения зоны советского военного присутствия за счет территорий, прилегающих к Проливам.

Не получив поддержки со стороны вчерашних союзников СССР развернул по всему миру мощную антитурецкую пропагандистскую кампанию. Во всех центральных газетах СССР была растиражирована статья двух грузинских академиков под недвусмысленным заголовком «О наших законных претензиях к Турции» [1]. Вдоль советско-турецкой границы, а также в Болгарии, где находились советские войска, были усилены гарнизоны Красной армии. Маршал Ф. Толбухин – в 1946 году главнокомандующий Южной группой войск, созданной для вероятных военных действий на Балканах и в Турции, – рассказывал, что его войска были способны оккупировать Турцию в течение суток: «Если бы товарищ Сталин разрешил, я бы эти земли освободил за двадцать четыре часа» [3, с. 61–62].

Военные приготовления СССР и подготовка общественного мнения к возможному вторжению в Турцию не остались незамеченными для американских политиков. Военные эксперты докладывали в госдепартамент, что развитие авиации в годы Второй мировой войны сделало бессмысленным создание военной базы в Проливах, и что истинная цель СССР по поводу Турции «заключена в желании изменить внутренний

режим (строй) Турции» [2, с. 248]. Это заставило США предпринять ряд ответных шагов по сдерживанию советской экспансии. В секретном меморандуме, подготовленном военным и военно-морским ведомствами для президента Г. Трумэна, отмечалось, что «настало время решить, будем ли мы выступать против советской агрессии имеющимися у нас средствами или нет, особенно это касается агрессии против Турции. При осуществлении этой политики, наши слова и наши действия должны помочь убедить СССР, что мы не согласны с советской агрессией против Турции», и далее – «русских можно заставить отступить только в том случае, если они будут уверены в готовности США ответить оружием на любой акт агрессии» [2, с. 421]. Президент Трумэн поддержал предложенный политический курс. В ряде американских изданий появилась информация, что госдепартамент готов обеспечить территориальную целостность Турции.

В апреле 1946 года в качестве демонстративной поддержки Анкары со стороны Вашингтона был организован визит американского линкора «Миссури» в Стамбул, расцененный в Москве как недружественный шаг [5]. Вслед за этим последовал ряд заявлений представителей турецкого правительства о том, что любым требованиям Советов Турция даст достойный отпор, и что США готовы защитить Турцию от любой угрозы [2, с. 383]. В Кремле осознали: турецко-американский альянс сложился, в ответ на дипломатической давление СССР Турция нашла себе сильного заступника в лице США. По сути, это была первая весточка «холодной войны».

Однако Москва продолжала упорствовать. 7 августа 1946 года в МИД Турции была представлена советская нота «О Конвенции Монтре по Черноморским проливам», в которой в очередной раз ставился вопрос о размещении в зоне Проливов советских военных баз для контроля их совместно с Турцией. После предварительных консультаций с правительствами США и Великобритании Турция

в ответной ноте от 22 августа вновь ответила отказом на советские предложения, мотивируя свое решение необходимостью сохранения суверенитета Турецкой Республики. Далее последовал обмен нотами между двумя странами. 24 сентября 1946 года очередная нота о Проливах была направлена турецкому правительству; 18 октября турецкое правительство ответило встречной нотой. Позиции сторон оставались неизменными.

Время шло. Турция, чувствуя политическую поддержку со стороны США и Великобритании, не уступала. В конце концов, Москва осознала, что достигнуть двустороннего, выгодного для СССР решения вопроса о Проливах, с Анкарой не удастся. Обсуждать же этот вопрос с США и Соединенным Королевством уже не имело смысла: между СССР и бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции разворачивалась «холодная война», к началу которой в немалой степени приложил руку сам Советский Союз своими экспансионистскими планами в отношении турецких территорий. По сути, СССР своими претензиями на Проливы превратил некогда нейтральную Турцию в стратегического партнера США.

В конечном итоге Москва отступила, предпочитая именовать проблему Проливов, а также территорий Карса и Ардагана – «неурегулированными вопросами» советско-турецких отношений.

Лишь после смерти Сталина Советский Союз начал выстраивать более реалистичную политику в отношении Турции и отказался от территориальных требований к стране, которая к этому времени уже была полноценным членом НАТО. 30 мая 1953 года советская сторона в официальной ноте правительству Турции окончательно заявила, что «во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительство Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о проливах, то Советское правительство пересмотрело

свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции. Таким образом, Советское правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции» [6, т. 6, с. 514].

Весьма эмоциональную оценку сталинской дипломатии в отношении Турции дал Н.С. Хрущев, выступая в свойственной для него манере на июньском 1957-го года Пленуме ЦК КПСС: «Разбили немцев. Голова пошла кругом. Турки, товарищи, друзья. Нет, давайте напишем ноту, и сразу Дарданеллы отдадут. Таких дураков нет. Дарданеллы – не Турция, там сидит узел государств. Нет, взяли ноту специальную написали, что мы расторгаем договор о дружбе и плюнули в морду туркам... Это глупо. Однако мы потеряли дружескую Турцию и теперь имеем американские базы на юге, которые держат под обстрелом наш юг...» [2, с. 509]. Точнее не скажешь.

По прошествии десятилетий трудно предположить, стала бы Турция столь стремительно противником Советского Союза, если бы СССР в те годы не оказал на нее беспрецедентное политико-дипломатическое давление, угрожая суверенитету и целостности турецкого государства. Очевидно одно: экспансионистская политика СССР после Второй мировой войны вынудила западные страны искать новые решения по обеспечению европейской безопасности. И Турция, не в последнюю очередь благодаря «усердию» Сталина и Молотова, превратилась для западной дипломатии в важнейший элемент сдерживания наступательной внешней политики победившего в войне Советского Союза.

1. Бердзенишвили Н., Джанашиа С. О наших законных претензиях к Турции // Известия. 1945. 20 декабря.

2. Гасанлы Дж. П. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: «Центр Пропаганды», 2008. 664 с.

3. Мгеладзе А.И. Сталин. Каким я его знал. Б.м.,

2001. 386 с.

4. Мошкин С.В. «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2009. Т. 5. № 4. С. 245–253.

5. Первые письма с «холодной войны» // Международная жизнь. 1990. № 11. С. 138–154.

6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов: в 6-ти томах. М.: Политиздат, 1984.

1. Berdzenishvili N., Dzhanashia S. O nashix zakonnykh pretenziyax k Turcii // Izvestiya. 1945. 20 dekabrya.

2. Gasanly Dzh. P. SSSR – Turciya: ot nejtraliteta k xolodnoj vojne (1939–1953). M.: «Centr Propagandy», 2008. 664 s.

3. Mgeladze A.I. Stalin. Kakim ya ego znal. B.m., 2001. 386 s.

4. Moshkin S.V. «Ruka Moskvyy» v istorii vstupleniya Turcii v NATO // POLITE'KS: Politicheskaya e'kspertiza. 2009. Т. 5. № 4. С. 245–253.

5. Pervye pis'ma «xolodnoj vojny» // Mezhdunarodnaya zhizn'. 1990. № 11. С. 138–154.

6. Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyx konferenciayah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov: v 6-ti tomax. M.: Politizdat, 1984.

UDC 327.82

DIPLOMATIC WAR OVER THE BLACK SEA STRAITS IN 1944–1946

Moshkin Sergey Vyacheslavovich

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Chief Research Scientist,
Doctor of Political Science,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Annotation

The author considers diplomatic efforts of the USSR to establish control over the Black Sea straits in the final stage of World War II and in the first years of the post-war period. It is shown that the intentions of the Soviet Union were not supported by the Allies. The author concludes that the demands of the USSR for a regime change on the Turkish straits resulted in strategic alliance of the previously neutral Turkey with the USA.

Key words:

World War II, the Soviet-Turkish relations, the Black Sea straits, The Montreux Convention.